

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСОЦИАТИВНОЙ СИСТЕМЫ В СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

Анастасия ПАВЛОВА
МГИМО МИД России

Аннотация: В сравнительной политологии имеют место дискуссии относительно эффективности двух основных моделей управления конфликтностью – консоциативной и интегративной. При этом распространена точка зрения, согласно которой консоциативные механизмы консервируют межэтнические противоречия и препятствуют выстраиванию государственной идентичности на базе гражданственности. В фокусе внимания настоящего исследования находится Северная Македония, в которой после вооруженных столкновений 2001 г. применяются консоциативные механизмы с целью смягчения глубоких противоречий между македонским большинством и албанским меньшинством. При помощи сравнительного анализа и географического метода предпринимается попытка ответить на вопрос, в каком направлении эволюционирует изучаемая политика в условиях консоциации и возможно ли в ней выстраивание государственной идентичности на базе гражданственности, а не этничности. Проведенный в рамках исследования анализ результатов парламентских выборов в Северной Македонии за 2002–2020 гг. показал, что до 2016 г. происходило снижение популярности радикальных албанских партий, за которым последовало резкое ее увеличение, а вплоть до настоящего времени имеют место две центристские тенденции: увеличение поддержки общенациональных партий со стороны этнических меньшинств и более активное сотрудничество крупных и малых партий до выборов.

Ключевые слова: Северная Македония, консоциация, албанцы, этнические партии, идентичность

Павлова Анастасия Вячеславовна – аналитик Института международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0005-5023-8222. E-mail: lodinaanastasia09@gmail.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Автор выражает признательность своему первому научному руководителю, профессору кафедры сравнительной политологии МГИМО Р.Ф. Туровскому за помощь в разработке дизайна исследования, а также доценту кафедры сравнительной политологии МГИМО И.В. Кудряшовой за ценные рекомендации.

Теоретико-методологические основания исследования

В политической науке выделяется два основных подхода к организации сегментированных обществ и управлению конфликтностью: консоциативный (Lijphart, 1977) и интегративный (Horowitz, 2014).

Консоциативный подход подразумевает широкую коалицию с включением в нее всех основных сегментов общества, пропорциональность представительства, взаимное право вето, автономию сегментов. Критики (Reilly, 2006; O'Leary, 2005; Horowitz, 2014; Wimmer, 2013) данного подхода указывают на отсутствие динамики: происходит цементирование существующих межэтнических противоречий, а не их разрешение; политическая система не развивается, и, более того, существует риск ее парализации. Стагнация связана с тем, что чем больше субъектов с несовпадающими интересами участвуют в процессе принятия решений, тем сложнее им достигнуть договоренности. Развитие подразумевает изменения, а значит и слом существующего статус-кво, что может восприниматься представителями сегментов как опасность. Недоверие между сегментами побуждает их использовать взаимное вето, блокируя предложения друг друга. Таким образом, возникает политический тупик.

В противовес консоциативному подходу был разработан интегративный (или центристский) подход, суть которого заключается в создании механизмов, которые побуждали бы представителей разных сегментов к сотрудничеству на базе общих интересов. Предполагается, что при использовании такой модели острота межэтнических противоречий будет преодолеваться, а на их месте будет выстраиваться новая государственная идентичность на базе гражданственности.

Несмотря на отмеченные недостатки консоциативного подхода и наличие альтернативы, его распространенность в практике управления конфликтностью велика. Классический пример успешного применения модели – Бельгия. Кроме того, консоциативные механизмы использовались с целью снятия межэтнической напряженности на Ближнем Востоке – в Ливане, Ираке; на Балканском полуострове – в изучаемой в рамках настоящего исследования Северной Македонии, а также в Боснии и Герцеговине. Этот список не является исчерпывающим и может быть продолжен. Причем каждое конкретное воплощение консоциации может значительно варьироваться от случая к случаю. Так, российский исследователь О.В. Харитонов в попытке классификации выделяет 14 разновидностей консоциативной модели в зависимости от усечения либо уточнения концепта (Харитонов, 2021).

В настоящем исследовании предпринимается попытка ответить на вопрос: как развивается политическая система Северной Македонии в условиях консоциативных механизмов и возможен ли в ней переход к государственной идентичности на базе гражданственности, а не этничности? Для ответа на него проводится оценка внутривнутриполитической динамики Северной Македонии по трем параметрам: 1) сотрудничество общенациональных и этнических партий – заключение коалиций до выборов; 2) поддержка наиболее

радикальных этнических партий; 3) поддержка общенациональных партий со стороны этнических меньшинств. Количественное измерение первого и второго показателей проводится на основе общенациональных¹ результатов парламентских выборов с 2002 по 2020 гг. Для оценки третьего показателя были выделены места компактного проживания этнических меньшинств – общины (*општини*), где совокупная доля этнических меньшинств по отношению к македонцам превышает 40%². После этого границы административно-территориальных единиц были сопоставлены с границами избирательных округов³, поскольку официальная информация об итогах выборов разных лет – *извештаи*⁴ – чаще всего представлена только по избирательным округам; было установлено, что подавляющее большинство общин⁵ составляет избирательную единицу 6. Для подтверждения валидности оперируемых данных было проведено сравнение подсчитанных вручную суммарных результатов электорального цикла 2014 г. по общинам с итогами голосования по избирательному округу 6; числовые показатели совпали. Общины, не вошедшие в избирательную единицу 6, в связи с ограниченностью имеющихся данных по годам, рассматривались в выборочном порядке отдельно. Результаты по ним важны, поскольку если в случае с избирательной единицей существует большая погрешность ввиду учета голосов этнических македонцев, то в таких общинах, как *Центар Жупа*, *Липково* и *Пласница*, доля этнических меньшинств составляет 80% (турки), 97% (албанцы) и 98% (турки) соответственно. Кроме того, отдельное рассмотрение результатов голосования по общине *Чучер-Сандево* позволяет взглянуть на электоральное поведение сербов, которые там составляют 29% от общего населения, что немногим превышает численность албанцев (23%).

Консоциативные механизмы в Северной Македонии: динамика политической системы

Возникновение конфликтов на постъюгославском пространстве произошло в результате распада сложного многонационального государства – Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Несмотря

¹ Имеются в виду результаты голосования в целом по стране (*national summary*), а не по округам / общинам (*voting by districts*).

² Боговиње, Брвеница, Врапчиште, Гостивар, Дебар, Желино, Јегуновце, Маврово и Ростуша, Осломеј, Зајас (в 2013 г. муниципалитеты Осломеј и Зајас были расформированы и объединены с общиной Кичево), Теарце, Тетово, Кичево, Центар Жупа, Долнени, Липково, Пласница, Струга, Студеничани, Чучер-Сандево; по данным Државен завод за статистика – публикација: Попис на населението, домаќинствата и становите 2002, Книга XIII (n.d.). Available at: <https://www.stat.gov.mk/PrikaziPoslednaPublikacija.aspx?id=54> (accessed 19 August 2022).

³ Собрание на Република Северна Македонија – Изборни единици (n.d.). Available at: <https://www.sobranie.mk/izborni-edinici-93f5c88a-7d52-4253-999c-d8cdfad56aeb.nsp> (accessed 18 August 2022).

⁴ Изборна Архива – Изборна архива на изборите во Северна Македонија од 1990 година до денес (n.d.). Available at: <https://izbornaarhiva.mk/> (accessed 18 August 2022).

⁵ Боговиње, Брвеница, Врапчиште, Гостивар, Дебар, Желино, Јегуновце, Маврово и Ростуша, Осломеј, Зајас, Теарце, Тетово.

на то, что выход Северной Македонии (на тот момент – БЮРМ)⁶ из состава некогда единого образования носил относительно мирный характер, спустя 10 лет после обретения независимости на территории республики вспыхнул вооруженный конфликт. Накопление потенциала межэтнической напряженности с последующим его высвобождением во многом стало «побочным эффектом» (*spillover effect*) косовского конфликта (1999) в результате притока албанских беженцев (Пономарева, 2010; Piacentini, 2019; Sandole, 1999).

Вместе с тем этнический конфликт в Северной Македонии имеет и более глубокие предпосылки. Учитывая историческое прошлое республики – в предыдущие эпохи образующие ее части входили в состав разных государств (Османская империя, Болгария, Греция, Сербия и др.), а территориальные границы неоднократно (в частности, в 1941–1943 гг.) менялись, – резкое обострение межэтнических противоречий было вопросом времени. Как правило, новые государства, возникшие на обломках прежних империй, обладают высокой степенью гетерогенности (Мелешкина, Кудряшова, 2015)⁷. Для них характерны конкуренция центров (Rokkan and Urwin, 1982), хаотичность политической жизни и значительный конфликтный потенциал, поскольку в условиях незрелости государственных институтов именно этнический национализм становится основой для политической идентификации и самоидентификации. В этом смысле Северная Македония обладает сходством с рядом постсоветских государств, в том числе с Украиной до 2014 г. Однако если на Украине происходил последовательный отказ от признания многокомпонентности государства (Cuadernos Iberoamericanos, 2022), то в Северной Македонии разнообразие этнических идентичностей и гарантии его сохранности были закреплены на законодательном уровне – в преамбуле и ст. 48 Конституции Республики Северная Македония⁸.

Таким образом, в терминологии А. Степана (Stepan, 2008) Северная Македония – скорее государство-нация (*state-nation*), а не нация-государство (*nation-state*). Ее модель нациестроительства по критерию отношения к этническим меньшинствам соответствует последнему из четырех выделенных Х. Линцем и А. Степаном (Linz & Stepan, 1996) идеальных типов, а именно сочетанию инклюзивной стратегии (*inclusionary strategy*) и признанию различия между демосом и нацией (*demos and nation*). Однако существовавших в БЮРМ до 2001 г. механизмов обеспечения прав этнических меньшинств для лидеров албанской общины оказалось недостаточно. В результате вооруженных столкновений при вмешательстве ЕС и НАТО было заключено Охридское соглашение, предусматривающее ряд уступок со стороны правительства БЮРМ.

⁶ Здесь и далее новое официальное название «Северная Македония» будет использоваться для всех периодов существования государства.

⁷ Подробнее о структуре имперского пространства см. Кудряшова, Козинцев, 2021; подробнее об особенностях государственного строительства на постимперском пространстве см. Мелешкина, Кудряшова, 2022.

⁸ Собрание на Република Северна Македонија – Устав на Република Северна Македонија (n.d.). Available at: <https://www.sobranie.mk//ustav-na-rm.nspk> (accessed 18 August 2022).

Политическим последствием заключения Охридского соглашения стало расширение практики применения консоциативных механизмов: закрепление права взаимного вето и принципа пропорциональности представительства. Последний нашел свое отражение в итоговой трансформации электоральной системы: если в 1990 и 1994 гг. парламентские выборы проводились по мажоритарной системе, в 1998 г. – по смешанной, то начиная с 2002 г. – уже по пропорциональной.

Тип избирательной системы закономерно отражается на конфигурации партийной системы. В период с 2002 по 2020 г. среднее значение индекса Лааксо–Таагеперы⁹ составляло 3,85, значение индекса Х. Молинара¹⁰ – 2,55. Диапазон значений для первого индекса – от 3,22 до 5,36; для второго – от 1,81 до 3,36 (см. рис. 1). Исходя из значений эффективного числа партий, партийную систему Северной Македонии можно отнести к типу умеренного плюрализма¹¹, которая, по мнению А. Лейпхарта (Lijphart, 1977), является наиболее благоприятной для консоциативной демократии: условия, в которых ни одна из партий не может набрать абсолютное большинство голосов, побуждают их к сотрудничеству с менее крупными игроками электорального поля.

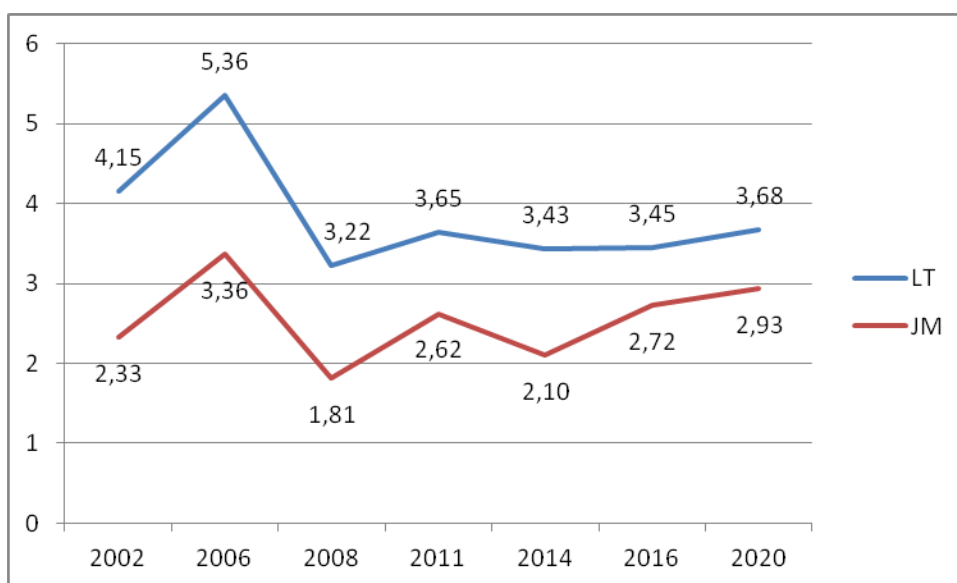

Рисунок 1. Индекс Лааксо–Таагеперы (LT) и индекс Х. Молинара (JM) в динамике¹²

Figure 1. The Laakso–Taagepera Index and J. Molinar's Index in Dynamics

⁹ По голосам.

¹⁰ По голосам.

¹¹ По типологии Дж. Сартори.

¹² Источник: составлено автором по данным Psephos – Adam Carr's Election Archive (n.d.). Available at: <http://psephos.adam-carr.net/> (accessed 18 August 2022); Parties and Elections in Europe (n.d.). Available at: <http://www.parties-and-elections.eu/> (accessed 18 August 2022).

В основе партийной системы Македонии лежит этнический признак. По данным переписи 2002 г.¹³, 64,18% населения составляют македонцы (1297981 чел.), 25,17% – албанцы (509083 чел.), 3,85% – турки (77959 чел.), 2,66% – цыгане (53879 чел.), 1,78% – сербы (35939 чел.), 0,84% – бошняки (17018 чел.), 0,48% (9695 чел.) – влахи. В соответствии с этим можно выделить партии македонского большинства (однако поскольку они открыто не провозглашают себя таковыми и в той или иной степени стремятся к инклюзивности, а также предлагают программы в интересах всего общества, их можно охарактеризовать и как условно общенациональные), а также партии – представители интересов этнических меньшинств.

Основная конкуренция имеет место между двумя общенациональными партиями: Внутренней македонской революционной организацией – Демократической партией за македонское национальное единство (ВМРО – ДПМНЕ) и Социал-демократическим союзом Македонии (СДСМ). В идеологическом плане партии различаются прежде всего по своему отношению к экономическому равенству: если ВМРО – ДПМНЕ представляет собой прагматическую партию, выступающую за снижение налогов и государственного регулирования экономики¹⁴, то СДСМ является проводником умеренных левых взглядов¹⁵. Второе важное отличие заключается в отношении партий к этническому вопросу. ВМРО – ДПМНЕ, позиционирующая себя в качестве преемника одноименной революционной организации, борющейся против османского владычества, делает акцент на укреплении македонской идентичности, защите и продвижении македонского языка и македонской культуры. Общественную поддержку продвигаемой партией повестки, выраженную в голосах избирателей, можно связать с исторической травмой Македонии (Салаватова, 2021; Piacentini, 2019): на протяжении веков македонцы как отдельный народ с собственным языком и культурой внешними акторами не признавались. Несмотря на то, что некоторые исследователи характеризуют ВМРО – ДПМНЕ как крайне националистическую партию¹⁶, на момент проведения исследования ее вряд ли можно назвать таковой: в программном документе партии¹⁷ многократно повторяется тезис об уважении прав религиозных и этнических меньшинств и необходимости укрепления толерантности в обществе, а также предлагаются конкретные меры, направленные на поддержку культуры этнических общин. Можно предположить, что в идеологическом

¹³ Државен завод за статистика – публикација: Попис на населението, домаќинствата и становите 2002, Книга XIII (n.d.). Available at: <https://www.stat.gov.mk/PrikaziPoslednaPublikacija.aspx?id=54> (accessed 19 August 2022).

¹⁴ Изборна програма на ВМРО–ДПМНЕ – ВМРО–ДПМНЕ (n.d.). Available at: <http://surl.li/micra> (accessed 19 August 2022).

¹⁵ СДСМ – Социјалдемократски сојуз на Македонија (n.d.) Кои сме ние? Available at: <https://sds.org.mk/sds/koi-sme-nie> (accessed 18 August 2022).

¹⁶ См. например Bieber, 2020; Piacentini A (2017) Make Macedonia great again! The new face of Skopje and the Macedonians' identity dilemma. In: *The 6th Euroacademia International Conference 'Re-Inventing Eastern Europe'*, Belgrade, 27 January 2017. Euroacademia. Available at: <http://surl.li/mictw> (accessed 18 August 2022).

¹⁷ Изборна програма на ВМРО–ДПМНЕ – ВМРО–ДПМНЕ (n.d.). Available at: <http://surl.li/micra> (accessed 19 August 2022).

плане эта политическая организация меняется, так как партийная система ограниченного плюрализма благоприятствует умеренности: чтобы набрать необходимое число голосов, требуется привлекать на свою сторону представителей меньшинств; таким образом, происходит движение к центру идейного спектра. Тем не менее СДСМ более инклюзивна: в разделе «Кто мы?» («Кои сме ние?»)¹⁸ перечислены все основные национальности без выделения какой-либо из них. Другой важный показатель: в отличие от сайта ВМРО – ДПМНЕ сайт СДСМ доступен как на македонском, так и на албанском языке.

По вопросу европейской и евроатлантической интеграции позиции СДСМ и ВМРО – ДПМНЕ близки. Вопреки расхожему мнению¹⁹, ВМРО – ДПМНЕ не является противником членства Северной Македонии в ЕС и НАТО. Более того, и в избирательной программе²⁰, и в доктрине²¹ политической организации прописано, что интеграция государства в названные структуры является «стратегическим приоритетом» партии. Разница же между позициями партий заключается в том, на каких условиях должен был (в случае с НАТО) и будет (в случае с ЕС) происходить данный процесс. Если для ВМРО – ДПМНЕ вопросы, связанные с сохранением македонской идентичности, являются принципиальными и не подлежат обсуждению, то СДСМ готова пожертвовать интересами в этой области и пойти на ряд уступок (Prikolota & Krylov, 2020).

И СДСМ, и ВМРО – ДПМНЕ заключают предвыборные коалиции как с общенациональными, так и с этническими партиями. При этом наблюдаются две тенденции. Во-первых, ряд малых партий, прежде выступавших на выборах самостоятельно, впоследствии объединяются с двумя крупнейшими партиями: Партия за европейское будущее (*Партија за Европска Иднина*) – с СДСМ (2011); Новая социально-демократическая партия (*Нова социјалдемократска партија*) – с СДСМ (2008); Гражданский вариант для Македонии (*Граѓанска опција за Македонија*) – с ВМРО – ДПМНЕ (2016); Демократическое обновление Македонии (*Демократска обнова на Македонија*) – с ДПМНЕ (2008); Движение БЕСА (*Lëvizja BESA*) – с СДСМ (2020). Во-вторых, левоцентристская партия постепенно «перетягивает» на свою сторону прежних партнеров по коалиции ВМРО – ДПМНЕ. Так, с 2011 г. совместно с СДСМ на выборах выступает Партия за полную эмансипацию цыган (*Партија за целосна емансипација на Роми-те*); с 2014 г. – Партия турецкого движения в Македонии (*Партија за движење на Турците во Македонија*); с 2016 г. – Демократическое обновление Македо-

¹⁸ СДСМ – Социјалдемократски сојуз на Македонија (n.d.) Кои сме ние? Available at: <https://sds.org.mk/sds/koi-sme-nie> (accessed 18 August 2022).

¹⁹ См. например: Dimopoulou M. (2021) *Attitudes towards European Integration in the Western Balkans: Euroscepticism and Europhilia in North Macedonia*. Master's thesis. Charles University, Prague. Available at: <http://surl.li/micui> (accessed 18 August 2022).

²⁰ Изборна програма на ВМРО–ДПМНЕ – ВМРО–ДПМНЕ (n.d.). Available at: <http://surl.li/micra> (accessed 19 August 2022).

²¹ Доктрина на ВМРО–ДПМНЕ – ВМРО–ДПМНЕ (n.d.). Available at <http://surl.li/micqb> (accessed 19 August 2022).

нии (*Демократска обнова на Македонија*); а с 2020 – Демократический союз (*Демократски сојуз*), Демократическая партия турок (*Türk Demokratik Partisi*) и Союз цыган из Македонии (*Сојуз на Ромите од Македонија*).

Этнические партии Северной Македонии выступают представителями интересов албанцев, турок, цыган, бошняков и сербов. Наиболее крупными и активными являются албанские партии, которые в соответствии с содержанием их программных документов можно ранжировать в диапазоне значений от 2 до 10 в зависимости от степени радикальности (см. рис. 2), под которой в данной работе подразумевается стремление и готовность политического актора к изменению статус-кво. Во внимание принимаются: позиция партий по отношению к Охридскому соглашению (сохранение / изменение / отказ в пользу заключения нового) и конституционному устройству государства (сохранение существующего конституционного устройства / внесение поправок в Конституцию / принятие нового основного закона), способы достижения желаемых изменений (требование / призыв к переговорам), общая тональность текста. Значения шкалы в диапазоне от 2 до 4 соответствуют умеренной степени радикальности, от 5 до 7 – средней степени радикальности, от 8 до 10 – высокой степени радикальности.

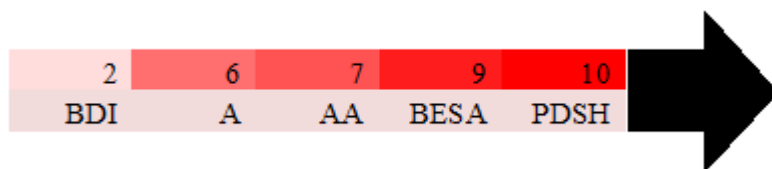

Рисунок 2. Шкала этнических албанских партий по степени радикальности²²

Figure 2. Scale of ethnic Albanian parties by degree of radicality

В качестве наиболее радикальной была определена Демократическая партия албанцев (*Partia Demokratike Shqiptare – PDSH*), поскольку в ее программе²³ красной линией проходит нарратив о «дискриминации» албанцев в Северной Македонии, причем отношение к ним со стороны македонского большинства описывается через резкие выражения – «как к врагу» или «как к пятой колонне»; выражается острая критика Охридского соглашения как «нежизнеспособного», поскольку «общественный договор не соблюдается», а между этническими группами сохраняются «социальная дистанция» и «недоверие». Предлагается заключение нового соглашения с целью «обеспечения равенства», что подразумевает в том числе большую децентрализацию и расширение полномочий органов местного самоуправления. В числе

²² Источник: составлено автором.

²³ PDSH (n.d.) Platforma politike. Available at: <https://gurra-pdsh.org/platforma-politike/> (accessed 19 August 2022).

приоритетов определяется сохранение и продвижение албанской культуры и албанского языка, а также евроатлантическая интеграция. При прочтении текста возникает ощущение, что он написан специалистами, прошедшими сильную теоретическую подготовку в области политологии и хорошо знакомыми с западной политической мыслью, и ориентирован скорее на высокообразованных людей, чем на широкие массы.

Партию «Движение БЕСА» (*Lëvizja BESA – BESA*) можно назвать менее радикальной по сравнению с Демократической партией албанцев (*Partia Demokratike Shqiptare*), поскольку, несмотря на высокую степень распространенности нарратива о «дискриминации» албанцев в ее программе²⁴, риторика текста (что интересно, написанного на македонском языке, а не на албанском) носит более мягкий характер: признаются «ошибки» обеих сторон – македонцев и албанцев, – предпринимается попытка выступить с позиции не только албанского меньшинства, но и македонского большинства. Впрочем, это является скорее политтехнологическим приемом, поскольку то, что реально предлагается в документе, интересам самого многочисленного этноса в полной мере не отвечает. Охридское соглашение характеризуется как «позитивное», но «исчерпавшее себя», в связи с чем выдвигается требование принятия новой Конституции и смены государственных символов, изменения нарезки избирательных округов, децентрализации, одновременного признания двух уровней идентичности – национальной и этнической (в контексте этого употребляется выражение «албанская нация»). Интеграция в ЕС и НАТО провозглашается «безальтернативным вариантом», а Албания и Косово называются «наиболее важными партнерами в регионе».

Средний уровень радикальности демонстрируют две похожие друг на друга в идеологическом плане и выступившие одной коалицией на выборах 2020 г. партии – «Альянс за албанцев» (*Aleanca për Shqiptarët – AA*) и «Альтернатива» (*ALTERNATIVA – A*). Что примечательно, обе партии были созданы относительно недавно: электоральный «дебют» «Альянса за албанцев» состоялся в 2016 г., «Альтернативы» – в 2020 г. Среди основных положений программы²⁵ первой партии: европейская и евроатлантическая интеграция; достижение равноправия этнических групп и внесение поправок в Конституцию с этой целью; переход к двухпалатному парламенту; деполитизация судебных органов, прокуратуры, принцип меритократии в формировании административной элиты; децентрализация и повышение статуса органов местного самоуправления; сохранение культуры албанцев и ислама. Риторика текста документа носит менее жесткий характер по сравнению с программами Демократической партии албанцев и Движения БЕСА: несмотря на критику Охридского соглашения, нарратив о «дискриминации» албанцев отсутствует. «Альтернатива»²⁶, позиционирующая себя в качестве правоцен-

²⁴ *Движење Беса* (n.d.) Политичка програма. Available at: <https://levizjabesa.mk/download/политичка-програма/#> (accessed 19 August 2022).

²⁵ *Aleanca për Shqiptarët* (n.d.) Programi. Available at: <https://aleanca.mk/programi/> (accessed 18 August 2022).

²⁶ *Kreu – Alternativa* (n.d.). Available at: <https://alternativa.org.mk/> (accessed 18 August 2022).

тристской консервативной партии, в свою очередь предлагает проведение переговоров с целью достижения новых договоренностей, снижение избирательного порога до 2%, введение открытых избирательных списков и электронного голосования, деполитизацию судебной системы. Политическая организация заявляет о своей готовности к сотрудничеству с другими партиями на основе общих ценностей.

Наименее радикальной партией можно назвать Демократический союз за интеграцию (*Bashkimi Demokratik për Integrim – BDI*), который находится в левом центре идейно-политического спектра. В своей программе²⁷ партия выражает приверженность Охридскому соглашению и консенсусной демократии; выступает за разнообразие, равенство и уважение к этнической идентичности, продвижение евро-американских ценностей и интеграцию в ЕС и НАТО.

В электоральном цикле 2020 г. не участвовала партия «Национальное демократическое возрождение» (*Rilindja Demokratike Kombëtare*), которая на выборах 2011 и 2014 гг. выступала самостоятельно, а на выборах 2016 г. – совместно с Альянсом за албанцев. Поскольку идеологические позиции двух партий совпадают²⁸, ей было присвоено такое же значение по шкале радикальности, как и ее союзнику по коалиции.

При анализе результатов парламентских выборов с 2002 по 2020 г. (см. рис. 3) было выявлено, что популярность этнических партий остается высокой. Тем не менее с 2008 по 2014 г. поддержка радикальных албанских партий – Демократической партии албанцев (*PDSH*) и Национального демократического возрождения (*RDK*) – снижалась: с 10,5% (2008) до 7,4% (2014) голосов. Самая умеренная албанская партия – Демократический союз за интеграцию (*BDI*) – в 2014 г., напротив, достигла своего лучшего результата за 7 электоральных циклов – 13,5% голосов. Однако к 2016 г. произошла резкая радикализация политических предпочтений албанского меньшинства: Демократическая партия албанцев (*PDSH*) и Движение БЕКА, впервые принявшее участие в национальных выборах, в совокупности набрали 7,5% голосов; еще 3% получил Альянс за албанцев; показатель поддержки Демократического союза за интеграцию снизился на 6,2% – с 13,5% до 7,3%. В электоральном цикле 2020 г. ситуация немного «выровнялась»: уровень поддержки Демократического союза за интеграцию приблизился к средним показателям 2002–2014 гг. (11,76%) и составил 11,5%; процент голосов, набранный Демократической партией албанцев, достиг своего минимума с 2002 г. – 1,5%; коалиция «Альянс за албанцев – Альтернатива», напротив, повысила электоральный результат до 9%. Движение БЕКА на выборах 2020 г. выступило в коалиции с общенациональной партией СДСМ.

²⁷ *Bashkimi Demokratik Për Integrim* (n.d.). Program 2020–2024. Available at: <https://www.bdi.mk/programi2020/BDI-PROGRAMA-2020.pdf> (accessed 18 August 2022).

²⁸ Facebook (n.d.). Available at: https://www.facebook.com/RilindjaDemokratikeKombetare/?locale=sq_AL (accessed 18 August 2022). Facebook принадлежит организации, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации.

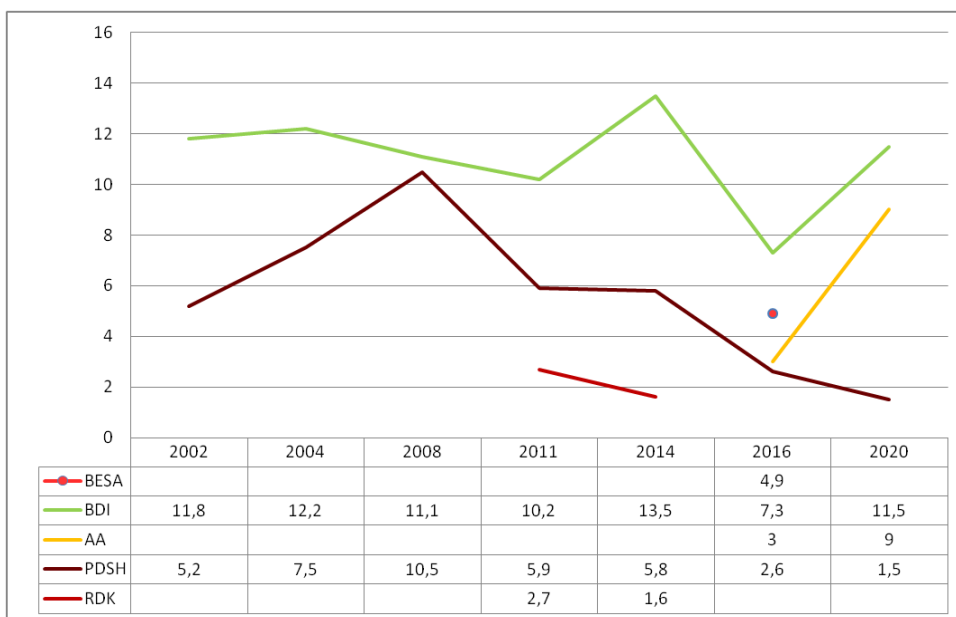

Рисунок 3. Голосование за албанские партии на выборах 2002–2020, %²⁹
Figure 3. Voting for Albanian parties in the 2002–2020 elections, %

При рассмотрении результатов голосования за ведущие общенациональные партии – СДСМ и ВМРО – ДПМНЕ – в избирательном округе 6 (парламентские выборы 2006, 2008, 2014 гг.) заметна тенденция к увеличению популярности общенациональных партий, что можно охарактеризовать как позитивный сдвиг в сторону интегративности и гражданственности (см. рис. 4 и рис. 5). Похожая динамика наблюдается и в отдельных общинах, населенных преимущественно турками, – *Центар Жупа и Пласница*, – а также в общине *Чучер-Сандево*, где больше половины населения составляют сербы и албанцы (см. рис. 6 и рис. 7). Стоит, однако, сделать оговорку, что уровень явки в турецких общинах невысок. Так, в 2006 и 2008 гг. показатель явки в общине Центар Жупа составил 19 и 20% соответственно, в общине Пласница – 28 и 24%. В общине Липково, где в составе населения преобладают албанцы (97%), уровень явки выше (49% в 2006 г. и 47% в 2007 г.), однако уровень поддержки и ВМРО – ДПМНЕ, и СДСМ во всех рассмотренных электоральных циклах (2006, 2008 и 2014) составил менее 1%. Вероятно, это объясняется географическим положением общины – на границе с Косово.

²⁹ Источник: составлено автором по данным Psephos – Adam Carr's Election Archive (n.d.). Available at: <http://psephos.adam-carr.net/> (accessed 18 August 2022); Parties and Elections in Europe (n.d.). Available at: <http://www.parties-and-elections.eu/> (accessed 18 August 2022).

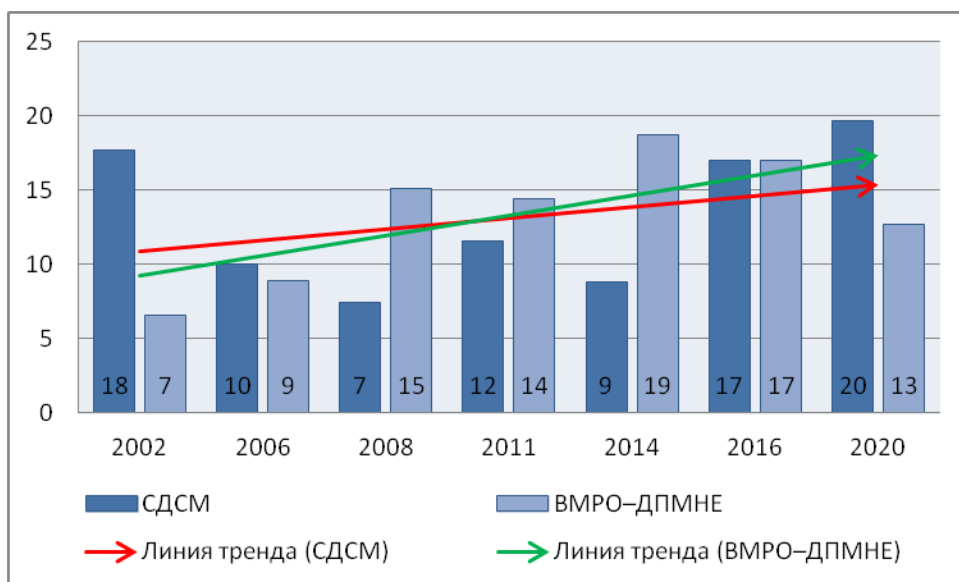

Рисунок 4. Голосование за общенациональные партии на выборах 2002–2020 в избирательном округе 6, %³⁰

Figure 4. Voting for national parties in the 2002–2020 elections in Constituency 6, %

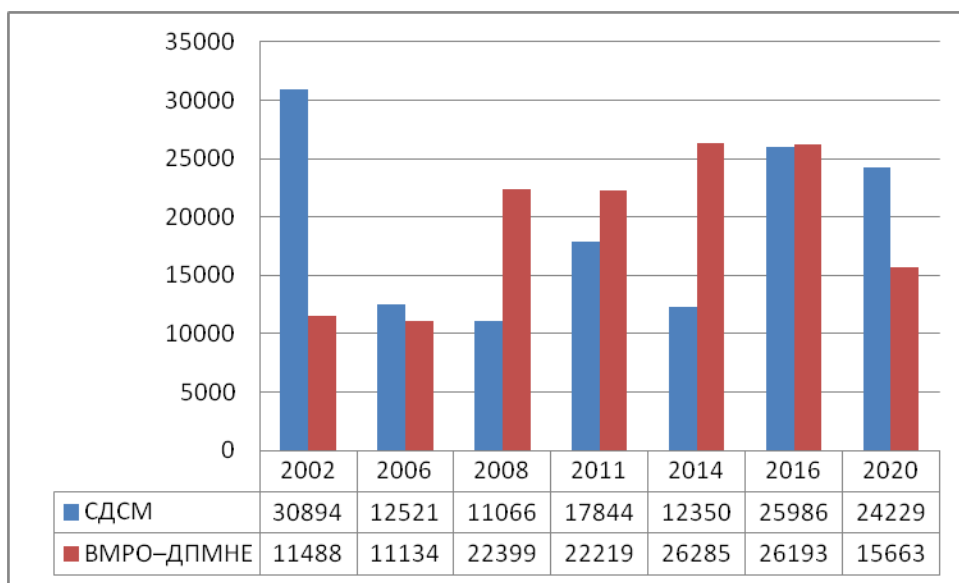

Рисунок 5. Количество действительных голосов за общенациональные партии на выборах 2002–2020 в избирательном округе 6³¹

Figure 5. The number of valid votes for national parties in the 2002–2020 elections in Constituency 6

³⁰ Источник: составлено автором по данным Изборна Архива – Изборна архива на изборите во Северна Македонија од 1990 година до денес (n.d.). Available at: <https://izbornaarhiva.mk/> (accessed 18 August 2022).

³¹ Источник: составлено автором по данным Изборна Архива – Изборна архива на изборите во Северна Македонија од 1990 година до денес (n.d.). Available at: <https://izbornaarhiva.mk/> (accessed 18 August 2022).

Рисунок 6. Голосование за партии ВМРО и СДСМ в общинах Центар-Жупа, Пласница и Чучер-Сандево³²

Figure 6. Voting for the VMRO and SDSM parties in Centar Župa, Plasnica and Čučer-Sandevo municipalities

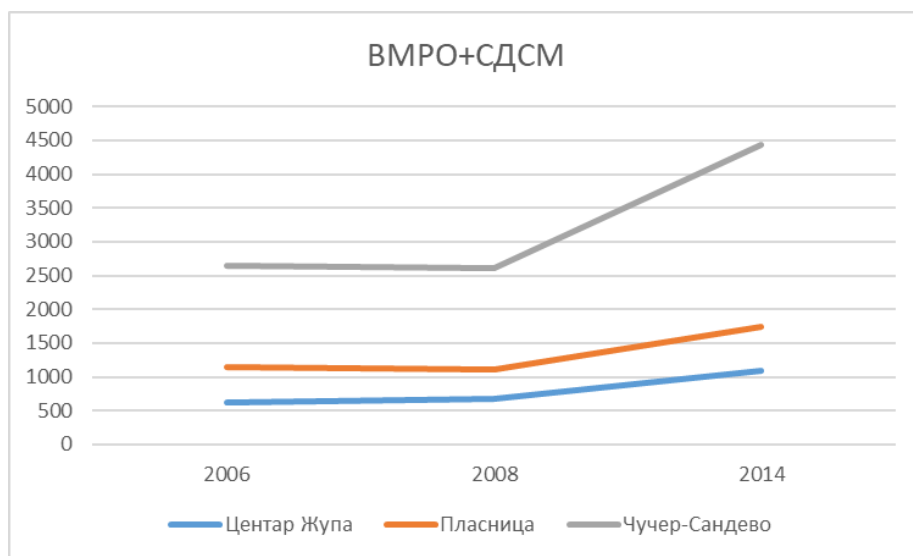

Рисунок 7. Совокупное голосование за ведущие общенациональные партии в общинах Центар-Жупа, Пласница и Чучер-Сандево³³

Figure 7. Cumulative voting for the leading national parties in Centar Župa, Plasnica and Čučer-Sandevo municipalities

³² Источник: составлено автором по данным Изборна Архива – Изборна архива на изборите во Северна Македонија од 1990 година до денес (n.d.). Available at: <https://izbornaarhiva.mk/> (accessed 18 August 2022).

³³ Источник: составлено автором по данным Изборна Архива – Изборна архива на изборите во Северна Македонија од 1990 година до денес (n.d.). Available at: <https://izbornaarhiva.mk/> (accessed 18 August 2022).

В рамках исследования было установлено, что популярность этнических партий в Северной Македонии остается высокой; это означает, что межэтнические противоречия, порождаемые кливажем «центр–периферия», сохраняются. Тем не менее выявленные в ходе анализа рост поддержки общенациональных партий и снижение уровня поддержки радикальных албанских партий предположительно свидетельствуют о том, что в Северной Македонии происходит дрейф от этничности в сторону гражданственности в процессе формирования государственной идентичности. Консоциативная модель не была реализована в изучаемом государстве в полной мере: не был осуществлен переход к федеративной системе, албанское меньшинство не получило территориальной автономии. Речь может идти разве что о культурной автономии в терминах Р. Брубейкера (Brubaker, 1994). Кроме того, не были введены квоты в парламенте для представителей этнических меньшинств.

Можно предположить, что полная консоциация для данной политики не была бы органичной: наметившиеся центростремительные тенденции, отмеченные выше, могут служить тому доказательством. Способствовать их усилению и выстраиванию внутренней политики государства на основе гражданственности, а не этничности могли бы внешние патроны – международные организации и государства. В случае Северной Македонии таковыми выступают ЕС и НАТО, однако их влияние на внутривнутриполитическую динамику государства неоднозначно. Некоторые исследователи оценивают его исключительно позитивно, полагая, что оно способствует развитию демократии и обеспечивает внутривнутриполитическую стабильность³⁴. Другие же указывают на риск возникновения связанных с этим новых проблем (Головин, Скляр, 2020). С одной стороны, членство Северной Македонии в НАТО служит гарантией безопасности, а стремление государства в ЕС является объединяющим фактором и базой для сотрудничества политических партий. С другой стороны, в период премьерства Н. Груевского в Еврокомиссии заявляли, что в Македонии происходит «откат к авторитаризму» (*backsliding*)³⁵. Во время протестов 2015 г. и позднее западные СМИ³⁶, научные круги³⁷ и НКО³⁸ распространяли

³⁴ Bechev D. and Marusic D. (2020) *North Macedonia on the Threshold of Europe*. December. Atlantic Council. Available at: <http://surl.li/micvk> (accessed 17 August 2022).

³⁵ Gardner A. (2015) Wire-tapping scandal hits Macedonia. *POLITICO*, 26 February. Available at: <https://www.politico.eu/article/wire-tapping-scandal-hits-macedonia/> (accessed 17 August 2022).

³⁶ Lyman R. (2015) Tiny Macedonia Confronts a Supersize Scandal. *The New York Times*, 14 May. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/05/15/world/europe/tiny-macedonia-confronts-a-supersize-scandal.html> (accessed 17 August 2022); Gardner A. (2015) Wire-tapping scandal hits Macedonia. *POLITICO*, 26 February. Available at: <https://www.politico.eu/article/wire-tapping-scandal-hits-macedonia/> (accessed 17 August 2022); Grabbe H. and Buldjoski G. (2001) Saving Macedonia. *POLITICO*, 30 November. Available at: <https://www.politico.eu/article/saving-macedonia-demonstrations-independence/> (accessed 17 August 2022); Pula B. (2016) The Budding Autocrats of the Balkans. *Foreign Policy*, 15 April. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/04/15/the-budding-autocrats-of-the-balkans-serbia-macedonia-montenegro/> (accessed 17 August 2022); Mattioli F. (2017) Authoritarianism in Macedonia. *Foreign Affairs*, 12 January. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/southeastern-europe/2017-01-12/authoritarianism-macedonia> (accessed 17 August 2022).

³⁷ См. например Bieber 2020.

³⁸ Kacarska S. (2017) Freeing the Captured State in Macedonia: What Role for EU Accession? November. Washington, DC: Freedom House. Available at: <https://freedomhouse.org/report/analytical-brief/2017/freeing-captured-state-macedonia-what-role-eu-accession> (accessed 18 August 2022).

в отношении кабинета премьер-министра нарративы «национализм», «откат к авторитаризму», «авторитаризм», «коррупция», «ограничение свободы СМИ», «захват государства» (*state capture*). Посредничество ЕС в переговорах между руководством Македонии и оппозицией в 2015 г. привело к отставке правительства и проведению новых выборов. Что примечательно, с просьбой о вмешательстве во внутривластный кризис 2015 г. оппозиция обращалась не только к ЕС, но и к США. Среди российских исследователей, специализирующихся на изучении технологий смены политического режима, есть мнение, что подобные изменения – результат активного участия внешних акторов. Следует учесть и контекст произошедших событий: в упомянутых СМИ публиковались совместные фотографии «автократов» Н. Груевского и А. Вучича и фигурировали опасения относительно расширения влияния России на Балканах в связи со строительством газопровода (заинтересованность в котором выражалась Северной Македонией). Кроме того, возглавляемая Н. Груевским партия ВМРО – ДПМНЕ отказывалась от выполнения условий Греции и Болгарии, что не позволяло государству войти в ЕС и НАТО. Можно предположить, что политическая фигура Н. Груевского была невыгодна западным государствам, и на основе признаний лидера оппозиции З. Заева⁴⁰ можно сделать допущение, что была предпринята попытка дискредитировать главу правительства и, сыграв на этнических настроениях, мобилизовать радикальное албанское меньшинство для участия в уличных протестах. Неслучайным кажется и создание двух новых албанских партий накануне внеочередных выборов – Альянса за албанцев и Движения БЕСА.

Заключение

Спустя тридцать два года после обретения независимости Северной Македонии не удалось преодолеть этнический раскол, наиболее ярко проявившийся в ходе вооруженных столкновений 2001 г. Заключенное при посредничестве (и давлении) ЕС и НАТО Охридское соглашение было призвано ослабить межэтническую напряженность посредством внедрения в стране консociативных механизмов. Дальнейшее же развитие политической системы стало приобретать центристский характер. Вплоть до настоящего времени растет популярность общенациональных партий среди этнических меньшинств; ведущие общенациональные партии все чаще образовывали предвыборные коалиции с малыми партиями; а главное – уровень поддержки наиболее радикальных албанских партий снижался до электорального цикла 2016 г.

Наиболее очевидное объяснение произошедшей впоследствии радикализации настроений албанского меньшинства можно получить при учете внешнеполитического фактора. Западные государства не устраивал бывший

³⁹ См. например Пономарева, 2012.

⁴⁰ Gardner A. (2015) Wire-tapping scandal hits Macedonia. *POLITICO*, 26 February. Available at: <https://www.politico.eu/article/wire-tapping-scandal-hits-macedonia/> (accessed 17 August 2022).

премьер-министр Северной Македонии Н. Груевский. В 2015 г. в стране разразился политический кризис, который при вмешательстве ЕС завершился отставкой главы правительства и приходом к власти оппозиции. Вероятно, «раскачивание» албанского меньшинства происходило извне для осуществления смены политической власти в интересах западных государств. Таким образом, ЕС и НАТО, выступая в роли патронов Северной Македонии, играют противоречивую роль в политическом развитии государства, для которого органичным был бы постепенный отход от консоциации, с одной стороны, предоставляя гарантии безопасности и стимулы для межпартийного сотрудничества, а с другой – способствуя актуализации имеющихся межэтнических противоречий в угоду своим внешнеполитическим интересам.

Список литературы

1. Bieber F. (2020) Patterns of Authoritarianism. In: *The Rise of Authoritarianism in the Western Balkans*. Cham: Springer International Publishing, pp. 31–88. DOI: 10.1007/978-3-030-22149-2_3.
2. Brubaker R. (1994) Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: An institutionalist account. *Theory and Society* 23(1): 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
3. Horowitz D.L. (2014) Ethnic Power Sharing: Three Big Problems. *Journal of Democracy* 25(2): 5–20. DOI: 10.1353/jod.2014.0020.
4. Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Yale University Press. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1dszvhq> (accessed 22 July 2022).
5. Linz J.J. and Stepan A.C. (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
6. O'Leary B. (2005) Debating Consociational Politics: Normative and Explanatory Arguments 1. In: Noel S (ed.) *From Power Sharing to Democracy*. McGill-Queen's University Press, pp. 3–43. DOI: 10.1515/9780773573109-002.
7. Piacentini A.M. (2019) State Ownership and “State-Sharing”: The Role of Collective Identities and the Sociopolitical Cleavage between Ethnic Macedonians and Ethnic Albanians in the Republic of North Macedonia. *Nationalities Papers* 47(3): 461–476. DOI: 10.1017/nps.2018.8.
8. Prikolota M. and Krylov I. (2020) The Accession of Macedonia to the North Atlantic Treaty Organization as a Multi-Level Game. *International Organisations Research Journal* 15(1): 177–189. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-08.
9. Reilly B. (2006) Political Engineering and Party Politics in Conflict-Prone Societies. *Democratization* 13(5): 811–827. DOI: 10.1080/13510340601010719.
10. Rokkan S. and Urwin D.W. (eds) (1982) *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. London ; Beverly Hills: SAGE Publications.
11. Sandole D.J.D. (1999) Simulated Violent Conflict and War: Implications for Ethnic Conflict in Post-Cold War Europe. *Simulation & Gaming* 30(4): 506–522. DOI: 10.1177/104687819903000410.
12. Stepan A. (2008) Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a ‘State-Nation’ Model as Well as a ‘Nation-State’ Model? *Government and Opposition* 43(1): 1–25. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2007.00241.x.
13. *Cuadernos Iberoamericanos* (2022) The short life of the Minsk agreements: why diplomacy failed? 10(4): 77–85. DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-4-77-85.

14. Wimmer A. (2013) *Waves of War: Nationalism, State Formation, and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Головин Д.О., Скляр С.А. (2020) Новый македонский вопрос: современный этап развития. *Международная аналитика* 11(2): 68–90. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-2-68-90.
16. Кудряшова И.В., Козинцев А.С. (2021) Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на ближнем востоке в контексте имперского опыта. *Политическая наука* (2): 140–164. DOI: 10.31249/poln/2021.02.05.
17. Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. (2015) Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия. *Актуальные проблемы Европы* (1): 56–80.
18. Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. (2022) После империй: можно ли перековать мечи на орала? *Политическая наука* (1): 14–51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01.
19. Пономарева Е.Г. (2010) Республика Македония: наступление албанского меньшинства. *Политическая наука* (1): 138–172.
20. Пономарева Е.Г. (2012) Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов. *Свободная мысль* (3/4): 43–59.
21. Салаватова А.В. (2021) Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности. *Современная Европа* (1): 209–219. DOI: 10.15211/soveurope12021209218.
22. Харитонов О.Г. (2021) Теория и практика консоционализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы. *Южно-российский журнал социальных наук* 22(4): 61–80. DOI: 10.31429/26190567-22-4-61-80.

Comparative Politics. Volume 13. No. 3. July–September / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-3-13-111-129

THE EVOLUTION OF NORTH MACEDONIAN CONSOCIATIONAL SYSTEM

Anastasia V. PAVLOVA – Analyst, Institute for International Studies, MGIMO University.
ORCID: 0009-0005-5023-8222. E-mail: lodinaanastasia09@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 8, 2023

Accepted June 11, 2023

Acknowledgments. The author is grateful to her first research advisor, MGIMO Department of Comparative Politics Professor R.F. Turovsky and Assistant Professor I.V. Kudryashova for their valuable input.

Abstract: Comparative politics has debated the effectiveness of the two basic models of conflict management, namely consociational and integrative. According to a widespread opinion, consociational mechanisms preserve inter-ethnic tensions and hinder the building of a state identity based on citizenship. The article focuses on North Macedonia, where consociational mechanisms have been applied since the 2001 armed clashes to mitigate the deep contradictions between the Macedonian majority and the Albanian minority. Applying comparative analysis and geographical method, the study attempts to answer the question of where the consociational polity under study is evolving and whether it is possible to build a state identity based on citizenship rather than ethnicity. The analysis of parliamentary elections in North Macedonia in 2002–2020 shows that until

2016 the popularity of radical Albanian parties declined, though then dramatically increased, and up to the present two centripetal tendencies can be seen, which are an increase in ethnic minority support for national parties and more active cooperation between large and small parties before the elections.

Keywords: North Macedonia, consociation, Albanians, ethnic parties, identity

References:

1. Bieber F. (2020) Patterns of Authoritarianism. In: *The Rise of Authoritarianism in the Western Balkans*. Cham: Springer International Publishing, pp. 31–88. DOI: 10.1007/978-3-030-22149-2_3.
2. Brubaker R. (1994) Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: An institutional account. *Theory and Society* 23(1): 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
3. Horowitz D.L. (2014) Ethnic Power Sharing: Three Big Problems. *Journal of Democracy* 25(2): 5–20. DOI: 10.1353/jod.2014.0020.
4. Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Yale University Press. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1dszvhq> (accessed 22 July 2022).
5. Linz J.J. and Stepan A.C. (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
6. O'Leary B. (2005) Debating Consociational Politics: Normative and Explanatory Arguments 1. In: Noel S (ed.) *From Power Sharing to Democracy*. McGill-Queen's University Press, pp. 3–43. DOI: 10.1515/9780773573109-002.
7. Piacentini A.M. (2019) State Ownership and "State-Sharing": The Role of Collective Identities and the Sociopolitical Cleavage between Ethnic Macedonians and Ethnic Albanians in the Republic of North Macedonia. *Nationalities Papers* 47(3): 461–476. DOI: 10.1017/nps.2018.8.
8. Prikolota M. and Krylov I. (2020) The Accession of Macedonia to the North Atlantic Treaty Organization as a Multi-Level Game. *International Organisations Research Journal* 15(1): 177–189. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-08.
9. Reilly B. (2006) Political Engineering and Party Politics in Conflict-Prone Societies. *Democratization* 13(5): 811–827. DOI: 10.1080/13510340601010719.
10. Rokkan S. and Urwin D.W. (eds) (1982) *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. London ; Beverly Hills: SAGE Publications.
11. Sandole D.J.D. (1999) Simulated Violent Conflict and War: Implications for Ethnic Conflict in Post-Cold War Europe. *Simulation & Gaming* 30(4): 506–522. DOI: 10.1177/104687819903000410.
12. Stepan A. (2008) Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a 'State-Nation' Model as Well as a 'Nation-State' Model? *Government and Opposition* 43(1): 1–25. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2007.00241.x.
13. *Cuadernos Iberoamericanos* (2022) The short life of the Minsk agreements: why diplomacy failed? 10(4): 77–85. DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-4-77-85.
14. Wimmer A. (2013) *Waves of War: Nationalism, State Formation, and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Golovin D.O. and Sklyarov S.A. (2020) Novyi makedonskii vopros: sovremenniy etap razvitiia [The New Macedonian Question: the Current Stage of Development]. *Mezhdunarodnaia analitika* [Journal of International Analytics] 11(2): 68–90. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-2-68-90. (In Russian).

16. Kudryashova I. and Kozintsev A. (2021) Institutsional'nye resheniia etnokonfessional'nykh konfliktov na blizhnem vostoke v kontekste imperskogo opyta [Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science] (2): 140–164. DOI: 10.31249/poln/2021.02.05. (In Russian).
17. Meleshkina E. and Kudryashova I. (2015) Setsessii na postimperskom prostranstve: Kosovo, Abkhaziia, luzhnaia Osetiia [Secessions in the post-imperial space: Kosovo, Abkhazia, South Ossetia]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe] (1): 56–80. (In Russian).
18. Meleshkina E. and Kudryashova I. (2022) Posle imperii: možno li perekovat' mechi na orala? [After empires: beating swords into ploughshares]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science] (1): 14–51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01. (In Russian).
19. Ponomareva E.G. (2010) Respublika Makedoniia: nastuplenie albanskogo men'shinstva [Republic of Macedonia: offensive of the Albanian minority]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science] (1): 138–172. (In Russian).
20. Ponomareva E.G. (2012) Sekrety «tsvetnykh revoliutsii»: Sovremennye tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov [Secrets of the «color revolutions»: Modern technologies of changing political regimes]. *Svobodnaia mysl'* [Free Thought] (3/4): 43–59. (In Russian).
21. Salavatova A. (2021) Evropeiskaia integratsiia kak faktor makedonskoi natsional'noi identichnosti [European Integration as a Determinant Factor of Macedonian National Identity]. *Sovremennaia Evropa* [Contemporary Europe] 101(1): 209–218. DOI: 10.15211/soveurope12021209218. (In Russian).
22. Kharitonova O.G. (2021) Teoriia i praktika konsotsionalizma v blizhnevostochnom kontekste: novye grani staroi problemy [The Theory and Practice of Consociationalism in the Middle Eastern Context: New Dimensions of an Old Problem]. *luzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences] 22(4): 61–80. DOI: 10.31429/26190567-22-4-61-80. (In Russian).